

По ком ты стучишь, Чайка?

Лесли Флетчер

Флетчер в монастыре пока что неизменно существовал по не сказать чтобы жизнерадостному, но зато архичеткому правилу трёх "не": как правило, шотландца не дергали, не теребили и вообще обычно не трогали. Обитатели монастыря, кажется, вообще не особенно считали нужным с Цианидом пересекаться - что, в общем-то, и самого Флетчера вполне себе устраивало. Не сказать, конечно, что "меньше диалогов" неизбежно означает "меньше проблем" - но отчасти, пожалуй, и такая истина имела место быть.

Тем интереснее шотландцу оказывалось из этого правила наблюдать занятные исключения, которые в последнее время перестали делать вид, что их не существует, и начали таки с Лесли периодически приключаться. Первым многообещающим звоночком оказался Святослав, вызвавший Флетчера ни много ни мало на тренировочный бой, а сегодня вот под дверь в комнату Лесли самым неожиданным образом обнаружилась молодая девушка из учениц, явно вознамерившаяся в случае необходимости комнату взять штурмом. Ломилась в дверь молодая дама не сказать чтобы тихо, ещё немного - и за компанию она этим шумом вот-вот захватит и переполошит соседей. Дождаться, пока чарующие звуки штурма расползутся по всему жилому корпусу, Цианид не стал. И попытался, ещё не сближаясь, с расстояния в несколько шагов, пресечь избиение незнакомкой двери коротким вопросом: - Добрый день. Вы, позвольте узнать, к кому?

Доминика Лакруа

Любовью к сложным задачам Доминика порой грешила откровенно и напоказ, предпочитая заковыристую головоломку простым и понятным вещам. Дома Лакруа порой самоотверженно пыталась собрать вещи из ИКЕА на глазок да наугад, пренебрегая инструкцией (которая порой всё равно только путала вместо того, чтобы подсказывать). В Линь Ян Шо же довольно долгое время сравнимых по заковыристости задач не обнаруживалось, собирать шкафы и комоды, а тем более - портить казенное имущество, ковыряясь в нем отверткой наугад, здесь не предлагали. Но через некоторое время француженка воспрянула духом, узнав, что среди мастеров, оказывается, существует человек в своём роде примечательного характера. Не человек, мол, а плазменный калькулятор, и попробуй-ка с таким до чего-нибудь вразумительного договорись, когда у него из реплик только "плюс", "минус" да "равно". Звучала такая задача как завлекательная социальная головоломка - и откладывать её надолго Лакруа не стала. Собрала смелость в кулак и рванула к мастеру - знакомиться.

В течение некоторого времени никто Доминике не открывал. В комнате никто и никак на стук не реагировал, даже убраться куда подальше девушку не попросили, и француженка успела уже заподозрить мастера в немоте и асоциальности сверхзашкаливающих степеней - когда мастер вдруг возник у Лакруа строго за спиной, и выяснилось, что за дверь никого и не было, в пустую комнату девушка ломилась. Доминика кратко полыхнула смущенным малиновым румянцем, но окончательно самоуничтожиться себе не позволила, не из-за неловкой ситуации и настойчиво грызущего лицо жаркого смущения, ни из-за оказанного ей мастером довольно холодного приёма. Лакруа набрала воздуха в грудь и, продолжая

наступательное движение, выпалила единым выдохом, пока её вон проследовать не попросили: - Здравствуйте-я-ищу-мастера-Флетчера-это-ведь-вы?

Лесли Флетчер

Делать вид, что шотландец обращается вовсе не к ней, и исправно притворяться глухой девушка не стала, обернулась сразу, как только Флетчер её окликнул. И тут же, глядя на очаровательное личико с по-юношески пухлыми щеками, Лесли по наитию снизил предполагаемый возраст девушки на несколько лет, теперь вместо щедро рукой выписанных было изначально двадцати трёх-четырёх лет казалось чересчур резким и поспешным дать юной леди даже и двадцать лет. Ученица, да из тех, что в этом статусе в силу юного возраста будут пребывать ещё долго и упорно, за многолетней привычкой забывая о том, что можно куда-то расти и быть кем-то ещё. Либо просто из неумения останавливаться - только по тому, как настойчиво ученица колотилась в дверь пустой комнаты шотландца, можно было сделать вывод, что педаль тормоза у юной леди с остальным организмом коррелируется, скажем так, не без некоторых проблем.

- Мастер Флетчер - это я, - подтвердил Цианид, не столько даже кивнул, сколько утвердительно моргнул. И, силясь изобразить голосом приличествующее случаю любопытство, предложил: - Может быть, имеет смысл опустить дальнейшие прелюдии? Что именно вы хотели?

По-хорошему, на самом-то деле - удивиться бы качественно, полноценно, чтобы не пришлось потом в случае доказывать, что ты не верблюд и ты удивился, просто так сдержанно и деликатно, что этого никто не заметил. Но пока что, по мнению Цианида, всё демонстрируемое девушкой поведение без особых натяжек помещалось в логику отношений "мастер - ученик", стало быть, заказывать глаза в изумленном негодовании было не с чего. А за избыточными эмоциями к Флетчеру - это всё равно что пытаться нацедить у мертвеца пинту крови. Затея, по определению своему обреченная на провал.

Доминика Лакруа

Что такого невероятного мастер Флетчер ухитрился увидеть в её лице, для Доминики осталось загадкой. Ну лицо же как лицо, девичье, симпатичное такое, ничего шокирующего. Хотя мастер, конечно, глаза и не таращил - судя по некоторым рассказам, он вообще на такую гримасу не способен. Просто что-то в лице сифу Флетчера дрогнуло, когда Доминика обернулась, а что именно и в хорошем ли, в плохом ли смысле - этого французенка понять не успела. Слишком уж быстро всё промелькнуло.

А вот жест, который мастеру Флетчеру заменял утвердительный кивок, - это, конечно, была отдельная песня. Сагой, сравнимой с Нибелунгами, конечно, его было не воспеть, но вот посвятить ему серенаду-другую - вполне осуществимо. Будь Доминика парнем, желающим производить на девушек впечатление дёшево и эффектно, она бы непременно срисовала для себя это удивительно мягкое удержание длинных ресниц внизу. Впрочем, такой жест должен и от девушки выигрышно смотреться, так что Лакруа себе пообещала - непременно сегодня перед зеркалом потренируется так делать. И вообще будет тренироваться, пока результатом не останется довольна. Грех же не подрезать эффектную визуальную фишку, когда её тебе вот так совершенно безвозмездно, то бишь даром, демонстрируют.

- Ученица Доминика Лакруа, - поспешила представиться французенка, прикручивая

к этой реплике ещё и вежливый поклон. Несмотря на то, что Флетчер вроде как официально разрешил наплевать на прелюдии и сразу переходить к сути проблемы, под официально холодным взглядом лазерно-зеленых глаз у Доминики никак не получалось просто забыть о вежливых приседаниях. Да и к тому же, Лакруа по-детски опростоволосилась, не придумав повод для похода к мастеру и опрометчиво решив, что там, уже на месте, будет видно, о чём говорить и что делать.

А вот теперь, уже непосредственно перед сифу Флетчером стоя, Доминика вдруг выяснила, что ничегошеньки-то очам не видно.

- Хотела у вас спросить... - начала было что-то сочинять Лакруа, но тут же осеклась, вспомнив, что исходящее от открытых всем ветрам умов вранье лазерные глаза считают на раз-два, раньше, чем ты выдохнуть успеешь. И героически вывалила правду: - Нет. Просто познакомиться с вами хотела. Вот. Здравствуйте ещё раз.

Лесли Флетчер

Не факт, что применять это слово по отношению к красивой девушке было уместно - но Доминика вибрировала крайне занимательно. Словно до последнего не могла решить, попытаться ли ей скормить Цианиду какую-нибудь фантастическую, завиральную историю поинтереснее или не стоит врать, потому что на вранье тут же поймают и примерно покарают, в назидание потомкам.

И, честное слово, лучше бы соврала что-нибудь лихое. Вряд ли было бы грустнее.

Потому что правда, героически предложенная Доминикой Флетчеру, оказалась какой-то ужасно бесхитростной и бесвкусной. Как будто девушка пришла чисто "для галочки", потому что надо всех обитателей монастыря посмотреть, вот и Цианид для этих целей тоже сгодился. Здесь, наверное, любая завиральная история смотрелась бы острее и любопытнее, даже вне зависимости от того, на какой ерунде она замешана. Пусть даже Доминика рассказала бы о том, что Лесли отвратительный сосед и ухитряется аж из соседнего корпуса постоянно её затапливать, пора с этим что-то делать и вообще так жить нельзя.

А теперь ситуация, начавшаяся было многообещающе, обернулась тем случаем, когда правда даже и не горькая, а пресная, никакая абсолютно. Что с такой правдой теперь прикажете делать? И зачем она вообще была сказана?

- Рад познакомиться, - Лесли слегка поклонился, ещё не раздражаясь тем, что встреча стремительно скатывается к нио чёмному практически, нулевому диалогу, но уже начиная этим ощутимо тяготиться. Шотландец с лёгким укором посмотрел на Доминику и уточнил: - В вашу программу только обмен именами входил? Задача-минимум выполнена? Или у вас в отношении меня есть ещё какие-то планы? - а вот что раздражать действительно начинало, так это то, как лихо и умело диалог стал выворачиваться наизнанку. Вроде как знакомиться изначально пришла Доминика - а теперь перехватывать инициативу и направлять беседу приходилось Флетчеру. С такими поворотами сюжета - чёрт его вообще знает, чего теперь от сегодняшней встречи ожидать.

Доминика Лакруа

Да ну чёрт побери, предупреждать же о таком повороте надо было, а.

Если бы Лакруа знала, что залихватски соврать в этой ситуации будет уместнее, она бы соврала как положено, уж будьте покойны. Сочинила бы что-нибудь трогательное о пиратах, фениксах и морских огурцах, да такое забористое, чтобы мастера пробрало насквозь, вдоль всего позвоночника и обратно. Если бы, конечно, не испугалась, а уверовала в то, что такими байками Флетчера можно заинтересовать.

А теперь вот, видите ли, правда у француженки получалась скучная. Пресная. Выдумаете же тоже.

- Ну почему же только обмен именами? - вскинулась Лакруа, наконец взявшая саму себя за шкуру и основательно встряхнувшая. Обнаруживать в шотландском мастере всё новые и новые завлекательные грани и намертво на этом деле зависать, расплачиваясь за романтическую наблюдательность неспособностью поддерживать конструктивную беседу, сейчас было явно не время - Флетчер более чем чётко дал понять, что не собирается выжидать, когда Доминика наконец перестанет тупить и раздуплится внятыми фразами. - Я бы с большим удовольствием с вами поговорила. Даже и о занятиях, если вам так будет проще. Скажите, сифу, вы какие навыки преподаете? А каким больше хотели бы обучать юных адептов? Насколько ваши желания совпадают с вашими возможностями? Вот так, пожалуй, для начала будет неплохо. А повосхищаться Флетчером можно будет и потом, постфактум, уже в записи воспоминаний, отыскивая в памяти ещё жест-другой, достойный того, чтобы его скопировать и позаимствовать.

Лесли Флетчер

Можно было, конечно, взбеситься от того, что девушка не сдаётся, не отстаёт и продолжает цепляться, как репей к рукавам, откровенно высасывая из пальца всё новые поводы задержаться. Но Лесли в этот момент испытал иррациональное практически облегчение: *наконец-то заговорила*.

До этого-то речь Доминики напоминала полубессвязную езду по кочкам, где от одного слова до другого - десяток ухабов, не меньше. И пойти разбери, почему девушка такие спотыкающиеся зигзаги пишет языком. То ли смутилась, то ли растерялась, то ли испугалась, то ли ещё что, вариантов масса. А теперь Доминика, словно обидевшись на вопрос Цианида, встрепенулась и бойко заговорила, закидывая Флетчера вопросами. И уж на что Лесли не был словоохотливым экстравертом - но такое положение дел ему нравилось куда больше.

- Желания и возможности совпадают на все сто процентов, - сухо ответил шотландец. Но при этом оперся плечом о стену, принимая более удобную для долгого стояния позу - для всех, кто хорошо знал Флетчера, это был сравнимый с выбросом белого флага сигнал, что Лесли, хоть и отстреливается горошинами коротких фраз, к беседе вполне расположен, если не сказать - общителен. - А как обстоят дела с вашими желаниями и возможностями? Учитесь всему, чему хотели? Обсуждать мечты друг друга - вероятно, это была далеко не самая светская беседа из возможных. Но раз уж Доминика сама об этом разговор завела, а Лесли был не прочь такой диалог поддержать и вбросить несколько реплик в нужном направлении - почему бы, собственно говоря и нет? Пусть беседа идёт как идёт, раз уж никто из участников от неё не плюется.

Доминика Лакруа

До сегодняшнего дня Доминика гордо считала себя смелой. И пребывала в опрометчивой уверенности, что давно выросла из возраста начальной школы, а поэтому никакие вербальные уделывания, даже откровенно хамские и грубые, теперь не могут на нее вообще впечатления произвести, не говоря уже о том, чтобы заставить француженку волноваться и обижаться. И в том, чтобы содрогаться под чужими показательно-грозными взглядами, Лакруа тоже смысла особенно не видела - не помнила в истории таких случаев, чтобы человека убивали исключительно взглядом, без помощи иных подручных средств. А теперь вот оказывалось, что

существует и иной способ психологического воздействия, по-своему особенно жестокий, когда собеседник свое к тебе отношение только полунамеками выражает. А ты знай угадывай, в правильном направлении ты движешься или исключительно мимо кассы свои реплики лепишь.

С мастером Флетчером в этом отношении, конечно, оказалось туго. Вроде как на вопросы он отвечал коротко и сухо, отдавая одно слово в обмен на пять-десять слов Доминики, словно подразумевая "женщина, все узнала, что хотела? а теперь сгинь" - но при этом поза шотландца ассоциаций с агрессивным клубком иголок не вызывала и, пожалуй, могла даже считаться благодушно-расслабленной. Настоящий тест на интуицию - а ты, мол, решай, какой из этих сигналов первичен и наиболее важен.

- Желаний гораздо больше, чем возможностей, - все же рискнула расплыться в улыбке Доминика, решившая короткие ответы мастера главным индикатором настроения не считать. - Банально времени не хватает на все, что охватить хочется. Мечтаю о Маховике Времени, иначе рано или поздно разорвусь на несколько частей. А очень бы хотелось, чтобы желания с возможностями совпадали, вот как у вас. Чтобы было не так суматошно жить.

Лесли Флетчер

В целом - пожалуй, да, Флетчер мог этот вопрос и не задавать. Ответ на него был приблизительно понятен изначально, по определению просто. У редкого восторженного ученика, прибывающего в Линь Ян Шо, не разбегаются глаза от широты открывающихся перспектив. Здесь, пожалуй, надо быть, как Цианид, человеком, практически начисто лишенным воображения, чтобы ничем дополнительно не заинтересоваться, а продолжать себе смирно существовать в рамках уже освоенных возможностей. Так что ничего необычного, из ряда вон выходящего в ответе Доминики не оказалось.

Да и вообще беседа нынче была примечательна по большей части тем, как легко и ловко она скатилась в разговор настолько невыразительный и обыденный, что практически пробу ставить было негде. Вот разве что упоминание о Маховике Времени вызвало у шотландца легкую улыбку. Описывать обыденные темы в любопытных выражениях - вот в этом умении Доминике отказать было нельзя. Потому что если бы ученица еще и говорила, мучительно спотыкаясь на каждом слове, то продолжать разговор вообще бы смысла не имело.

- Нет. Как у меня ты не хочешь, поверь на слово, - качнул головой Лесли. Хотя на мгновение это наивное "хочу как вы" Флетчеру польстило, что уж скрывать. Но Цианид был убежден - это ляпнуто просто от нехватки информации и является ядреным заблуждением, которое неплохо бы рассеять. - У меня равновесие происходит не от обилия возможностей, а от острой нехватки желаний. Уверен, что это не тот баланс, который ты ищешь.

Доминика Лакруа

Критику в адрес ее вежливых восхищенных приседаний Доминика сперва чуть не пропустила мимо ушей. Потому что, во-первых, француженка ухитрилась выдавить из Флетчера улыбку - похожую больше на краткий блик, чем на полноценное, осознанное движение губ, но все-таки улыбку, и очень хотелось записать это самой себе как маленькую победу. Жаль, что в реальной жизни не высвечиваются уведомления о разблокированных достижениях, как в некоторых компьютерных играх - сейчас был бы самый что ни на есть подходящий момент для всплывания такой маленькой таблички в углу экрана. А во-вторых, шотландский мастер,

обращаясь к Лакруа, ни с того ни с сего перескочил на "ты", ухитряясь одновременно не колоть девушку резкой сменой местоимения. В общем, мелких разговорных особенностей было столько, что из-за них Доминика чуть не упустила главное - с ней категорически не согласны. Причем накидывают такие безысходные аргументы, против которых особенно и не попрешь.

- Вы правы. Так, наверное, я действительно не хочу. Хотя поумерить аппетиты, возможно, было бы неплохо, - легко признала Доминика, не считая хоть сколько-нибудь нужным лезть в заведомо безнадежный спор. И тут же с удивлением и с легкой ноткой сочувствия поинтересовалась: - Как же у вас так получается... когда столько всего вокруг, а в цели ничего не попадает? - по мнению Лакруа, это же должно было быть печально. Да и сам Флетчер произносил слова про неправильный баланс не сказать чтобы с безмерным весельем. Правда, у мастера Флетчера вообще голос был, позитивом безжалостно обделенный. Шотландец, наверное, любую реплику засушить мог до абсолютно невменяемого состояния.

Лесли Флетчер

На несколько мгновений у Доминики стали такие глаза, словно она была готова вот-вот напрочь выпасть из разговора и перестать понимать смысл произносимых слов - полуотсутствующий взгляд, направленный одновременно и на Лесли, и куда-то за него, в пустоту. Правда, соскользнуть в эту пустоту девушка все же не соскользнула, удержавшись в реальности, да настолько, что сумела полноценно продолжить разговор. Бесспорно, было приятно видеть, что ученица умеет быстро сосредотачиваться - и все-таки Цианид предпочел бы на внезапно остекленевшие глаза не наткаться от слова совсем. Не слишком приятно смотреть на то, как беседа вдруг ни с того ни с сего провисает.

Хотя когда беседа потом перескакивает в поистине философские вопросы, по которым можно диссертации, книги и многотомники даже писать, было бы желание - это, пожалуй, полностью искупает ту неровность, на которой разговор вдруг споткнулся.

- Получается... не слишком радужно, - признал Лесли, не видя смысла отпираться и доказывать, что быть закоренелой нехочухой, оуклиться в неподвижности и так зазимовать - лучшее из возможного времяпрепровождения. - Но пока не придумали специальных зажигалок для мечты - имею основания опасаться, что я в безвыходном положении.

И, наверное, здесь еще имело бы смысл пожелать, чтобы сама Доминика в это безвыходное положение никогда не угодила. Лучше хотеть слишком много, чем не хотеть вообще ничего, - чрезмерная душевная активность предпочтительнее мертвой тишины хотя бы просто своим наличием. Впрочем, в самую мертвую трясину Флетчер пока еще не сполз, хотя знал наверняка, как выглядит отметка тотальной, необратимой безысходности. На этой отметке уже и не хочется хотя бы попытаться чего-то пожелать - а Лесли пока что не уставал надеяться и внимательно поглядывать по сторонам, чтобы в один прекрасный момент все-таки разглядеть мечту, желание, цель, называйте как хотите.

Доминика Лакруа

Наверное, инстинкт, требующий кого-нибудь непременно жалеть, природой вшит в каждую девушку, триггеры только различаются. Не то чтобы Доминика западала на несчастных, промокших и брошенных котят, а также сострадала всем подряд чайникам, веникам и валенкам - но конкретно сейчас французенке ужасно хотелось

пожалеть Флетчера. Обняла бы, если бы не боялась по рукам получить за пренебрежение местной иерархией. И это всё при том, что на жалость шотландец вроде как совсем не напрашивался. Голосом не давил, выразительно не подмигивал, особо задушевных слов и выражений не подбирал. Рассказывал так, как будто оно всё просто к слову пришлось и его самого совершенно не волнует, - а у Доминики, по закону подлости, от этого кажущегося вполне искренним и естественным безразличия горло перехватывало только сильнее.

- Но так ведь, должно быть, очень грустно жить! - выдала Доминика, думая в этот момент совсем не о том, какое впечатление на Флетчера произведут её слова, а борясь с желанием подкрепить свои слова хоть каким действием, да хотя бы за руку мастера взять. Интуиция француженке подсказывала, что, несмотря на многообещающее "ты", такой форсированный тактильный контакт шотландец запросто может не оценить и не принять. Какой именно приговор она, по сути, выкатила мастеру, Лакруа сообразил непростительно запоздало. И испуганно, часто заморгала, ожидая, что Флетчер вот-вот дернется, как от укуса змеи, и в ответ закатит француженке уничтожающую отповедь.

Хотя это вряд ли, конечно. Он ведь, наверное, совсем уже вздрагивать разучился, в безысходности-то своей засидевшись.

Лесли Флетчер

В отсутствии протянутых в бескрайней жалости рук и распахнутых объятий Доминика, безусловно, была права - Лесли и впрямь не оценил бы такой возможности припасть к чужому плечу в надежде на новую порцию утешений. Тем более что сочувствие - вообще вещь опасная, оно порой только расхолаживает вместо того, чтобы зарядить на борьбу. Если свернуться клубочком, принять позу эмбриона и терпеливо ждать, то проблема от этого сама по себе не исчезнет. А утешения порой именно к этому и склоняют - растечься безвольной кляксой и не дёргаться.

- Грустно станет, когда мне перестанет даже и хотеться чего-то хотеть, - возразил Лесли. И подпрыгивать с оскорбленным видом действительно не стал - Доминика права, Цианид, пожалуй, и впрямь попросту не умеет совершать такие резкие и эмоциональные движения. - А пока что словосочетания "не радужно" вполне достаточно для того, чтобы охарактеризовать ситуацию, - напомнил Флетчер, воспользовавшись ровно тем же выражением, что и минутой ранее. - Впрочем, не нахожу в том, что вы ошиблись, ничего удивительного. Не думаю, что такое состояние вам знакомо, чтобы вы могли верно его охарактеризовать.

Разговор складывался пока что не слишком многогранный и разнообразный, упрямо зависнув на одной теме, которую Лесли и Доминика в порядке строгой очереди цепляли с разных сторон. Но с другой стороны, откровенно скучной или неприятной беседа пока не была, поэтому Цианид совершенно не видел поводов не отвечать, пока его спрашивают. Пока сугубо личные и индивидуальные тараканы его головного мозга ещё были интересны ученице. Да и вообще, пожалуй, откопать такую тему, которая была бы Флетчеру отвратительна вплоть до рвотного рефлекса - задачка не из лёгких, методом "пальца в небо" её не сказать чтоб можно было решить.

Доминика Лакруа

Доминика напряглась, ощущая себя сапером на минном поле, который только что сделал шаг, в котором не был до конца уверен, но так и не понял, погиб он в

результате этого шага или нет. Что с жалельной репликой Лакруа накосячила, было понятно по тому, как резко и решительно Флетчер перескочил обратно на "вы", и этот переход неприятно резанул французенке слух. Ну неплохо же общались, а теперь с этим "вы" - шотландец как будто спохватился, что Доминика подошла чересчур близко, и спешно попятился, разрывая дистанцию. По ощущениям - это было холодно. Очень холодно.

- Простите. Я полезла не в своё дело, - повинулась Доминика. Вообще-то, по мнению девушки, вину как минимум следовало разделить на двоих, потому что Флетчер изначально зачем-то позволил лезть к себе в душу, куда посторонним обычно вход строго-настрого воспрещён. Но умение вовремя сказать "простите меня, я виновата", даже если ты кругом права - это своего рода искусство, пренебрегать которым - затея убийственно недалёковидная. И всё-таки окончательно отступать Лакруа не собиралась, не для того знакомиться приходила, чтобы сбежать, поджав хвост, поэтому Доминика с надеждой спросила: - Я вас не сильно обидела?

Хотя есть мысль, что обидеть не должна была практически вообще. Ну не производил Флетчер впечатление трепетного, нежного и ранимого человека. Его обижать всерьёз, наверное, надо было кувалдой. Или лопатой, острой частью да с разворота. Иначе попытки нанести шотландцу смертельное оскорбление рискуют остаться незамеченными.

Лесли Флетчер

Чисто справедливости ради следует отметить, что ученица, в общем-то, была не так уж и неправа. Всерьёз обижать Флетчера действительно следовало методами, близким к предложенным - со времён дошкольного возраста Лесли основательно вырос и заморозился, достать его мелкими булавочными подколками теперь и вовсе не представлялось возможным. Равно как и сделанным предположением о том, как ему, должно быть, грустно жить - воротить нос от правды вообще глупо, даже если это пока только полуправда. Вырастет ведь когда-нибудь в настоящую незыблемую истину и загрызет.

- Не извиняйтесь. Вы меня совершенно не обидели, - Цианид сделал короткий жест ладонью, призванный означать "стоп паника, войны не планируется". И, чтобы выбраться наконец из становящегося неприятно вязким желе опостылевшей темы, попытался перевести стрелки с себя на Доминику: - Ну, а у вас, в отличие от меня, ведь есть увлечения? Так, может, немного о них расскажете? - хотя бы чуть больше, чем, бесспорно, ёмкое замечание "увлекаюсь много чем". Лесли считал, что выдать о себе такую информацию - это все равно что не рассказать ничего. Если только, конечно, не трактовать эту фразу как попытку гордо махнуть пушистым хвостом, мол, я вся такая многогранная и великолепная, а вам до меня примерно как до Луны пешком, в световых годах без слез не измерить. В данном случае, применительно к Доминике, Цианид подключать такую трактовку нужным не считал. Да и вообще шотландец старался не спешить и опрометчиво не расклеивать на знакомых ярлыки - хотя некоторые личности, не будем тыкать пальцами, так сами и напрашиваются на то, чтобы у них этот злосчастный ярлык на лбу выгравировали, да желательно буквами покрупнее.

Доминика Лакруа

Не обидела, ага - видно, основательно взбесила. Или это у страха взор панический, потому как движение ладони Флетчера девушке вдруг напомнило взмах бритвы

Суини Тодда. И не только общественно полезные дела, помнится, та бритва вершила. И даже то, что за этим движением последовал вполне мирный, практически невинный вопрос, Доминику от неприятных ассоциаций не избавило.

А от вопроса, призванного перепихнуть разговор в другую плоскость, кстати, девушка бы с удовольствием отказалась. Лакруа было бы куда интереснее продолжить обсуждать самого мастера - и, наверное, Доминика попыталась бы настоять а своём, если бы знала мужчину хоть немногим лучше. А так пока неясно, во что подобный отказ выбиться может. Цельная картинка в отношении Флетчера у девушки в голове всё никак не складывалась, получалось нечто сродни попыткам собрать пазл, от которого у тебя хорошо если четверть кусочков есть - а может, ты даже и таким объёмом данных не располагаешь. Особенно не размахнешься.

- Ну, к примеру, я увлекаюсь оружием. С одного взгляда рунку от протазана отличу, - выдала Доминика, мучительно размышляя, как бы ещё ей рассказать о себе так, чтобы смотреться поинтереснее. Повыгоднее. Чисто по-девичьи вдруг захотелось распустить перышки и привлечь к себе внимание. Не то чтобы на Флетчера у девушки появились глобальные планы с расчётом на конфетно-букетные отношения - просто было бы приятно произвести на мужчину впечатление, даже если этот мужчина, по сути, и ни к чему Доминике совсем. - Из арбалета стрелять умею неплохо. Думала здесь ещё немного подучиться - а тут, оказалось, и нет таких занятий, стрелять только из лука учат, - вздохнула Лакруа. И склонила голову на плечо, пытаясь этим жестом заставить Флетчера проникнуться печалью и погоревать вместе с ней. Хотя, ясное дело, не получится ничего - да и вообще, найдите-ка в монастыре такого мастера, который вместе с первым попавшимся учеником будет вздыхать над каждым схлопнувшимся ожиданием. Доминика спорить была готова - не отыщете, и пробовать смысла нет.

Лесли Флетчер

Социальный фокус, конечно, дешёвый, но, как оказалось, вполне действенный - Доминика, когда разговор подвинулся вплотную к ней самой, упорствовать и цепляться за прежнюю тему не стала. Наоборот, принялась с умеренным энтузиазмом рассказывать о своих увлечениях. И в этом месте, признаться, девушка Флетчера своими откровениями несколько подкосила. Традиционно от девушек вообще не ожидаешь увлечения оружием, а уж тем более серьёзного, продвинутого увлечения, когда "не только прочитала всё, что смогла найти, но и в руках держать умею, и даже использовать неплохо". Представительниц прекрасного пола в монастыре, конечно, много - но за боевые искусства хватаются далеко не все. И, по мнению Флетчера, ещё меньшее количество учениц знало, что такое "протазан", в линейке монастырского оружия вообще не представленный. А Доминика - вишь ты - с первого взгляда, да ещё с этого же первого взгляда от рунки отличит. Рунка. Тоже, кстати, оружие вроде как не бесспорно общеизвестное.

- Сильна, - признал Цианид, склоняя голову перед увлечениями девушки. И поинтересовался, ненавязчиво приглашая Доминику солировать и дальше: - А чем рунка так заметно отличается от протазана, что это видно с первого взгляда?

Просьба занести в протокол - вопрос совершенно искренний. Для Лесли всевозможные копыя и пики в самом деле были областью тёмной, неразведанной и не исследованной. Флетчер максимум понимал при слове "протазан", что имеется в виду не меч. Потому что таких мечей история вроде как не знает. Дальнейшие тонкости Цианиду уже были неподвластны, вроде длины древка или формы наконечника - а сейчас ведь небось выяснится, что примерно такое якобы очевидное

различие Доминикой в виду и имелось.

Доминика Лакруа

Чего уж там скрывать - Доминика откровенно полагала, что о её увлечениях мастер Флетчер принялся расспрашивать чисто для галочки. Из вежливости. Мол, ты интересуешься мной, а я - тобой, всё у нас получается поровну и все этим довольны. Мастер же, непонятно по какому поводу, взялся изображать из себя шкатулку с сюрпризами - и, не проявляя ни усталости, ни раздражения, ни скуки, позволил Доминике беспрепятственно оседлать любимого конька и вещать. Лакруа сперва даже не поверила, что её вот так просто выслушают, и нахмурилась, выискивая подвох в чужом вопросе. А потом, сообразив, что её вроде как искренне готовы слушать, обрадованно расплылась в улыбке и тут же затарахтела:

- Да всё же очень просто на самом деле. Говорят, конечно, что протазан - та же рунка, только для высших офицеров, и оно, в общем-то, правда, но внешнее отличие очень заметное. Протазан - это же широкое копьё, у которого у основания, между втулкой и наконечником, есть два крыловидных выступа, совсем небольших. Как будто широкий полумесяц над втулкой, - и Лакруа попыталась пальцами начертить в воздухе примерный силуэт протазана: вот, мол, острие, вот сам наконечник, а вот здесь те самые два выступа, но не слишком выступающие. - А у рунки эти два выступа значительно длиннее. То есть можно сказать, что протазан - это рунка с короткими отростками. Но если честно, мне кажется, эти два копия особо не спутаешь. По мне, что похоже на рунку до остоленения, так это ранкона. А протазан с ней только ну совсем с непривычки перепутать можно.

Всю эту речь Доминика выпалила практически на одном дыхании, со сверкающими глазами. Про холодное оружие Лакруа вообще готова была говорить, пока её не заткнут. Но тут всё-таки был особый случай, поэтому Доминика сама сочла нужным чересчур долго не трепаться. И с лёгким подозрением уточнила: - Вам точно интересно всё это слушать, да?

Лесли Флетчер

Слово "просто" из уст Доминики в сочетании с фанатичным блеском в глазах заставило Лесли насторожиться и заподозрить, что сейчас под видом невыразимой лёгкости девушка попытается на пальцах разъяснить ему какую-то техническую тонкость, простым смертным обычно недоступную. Но когда ученица и впрямь взялась с энтузиазмом размахивать руками в воздухе, пытаясь начертить условные силуэты - в ее изложении и впрямь все эти детали показались не сказать чтобы архисложными. Если, конечно, не считать некоторого числа специфических терминов. Ну, и отчасти дело облегчалось тем, что в чем-то Флетчер все-таки был прав изначально: действительно, все дело заключалось в форме наконечника.

- Интересно, - попытался заверить осекшуюся девушку Лесли, не будучи, впрочем, уверенным в том, что Доминика ему поверит. В такие моменты важно не только что произнести, но и как именно. А Цианид был практически уверен в том, что искренние интонации у него в голосе подкачали. С возложенной на них задачей не справились. Говоря простым языком, позорно слились.

- Мне нравится ваша увлечённость темой, - принялся развивать свою мысль Флетчер, понимая, что выразительностью он этот раунд никак не возьмёт, а вот многословностью вполне можно попробовать. Но тут же счёл уместным уступить зародившейся внутри дрожи любопытства, вместо того чтобы продолжать сочинять для Доминики комплименты, и с неожиданной наивностью спросил: - А "ранкона" -

это что, тоже такое копье? Никогда о нём не слышал.

Доминика Лакруа

"Увлеченность темой" ему нравится. Мама дорогая.

Лакруа не очень поняла, была ли это искренняя похвала или же сарказм - у мастера Флетчера все интонации казались примерно одинаково невыразительными и мерзлыми, даже такие, казалось бы, крайности друг от друга с уверенностью отличить не получалось. Но на всякий случай Доминика приготовилась было изумленно сползти вниз по стенке. Мол, этот человек ещё и хвалит меня за то, что я ему на шею уселась со своими рассказами, да как так-то. Но ровно в этот момент в лице Флетчера что-то неуловимо изменилось, отчего мастер вдруг начал казаться трогательным и едва ли не нежным - а вопрос, сформулированный как-то особенно неловко и оттого кажущийся очень искренним и настоящим, заставил Доминику окончательно забыть обо всех своих подозрениях. Да какой, к чёрту, в этот момент может быть сарказм? Человек взаправду интересуется, ну видно же.

- С ранконой - её ещё корсеской называют, это итальянское оружие - так вот, с ранконой всё сложнее, - сообщила Лакруа. И подняла палец, словно призывая мастера Флетчера особенно внимательно следить за ходом её мысли. - Ранкона считается разновидностью гвизармы. Острие у ранконы прямое, а не изогнутое, ключевое отличие в этом. А гвизарма - это вариация на тему полеакса, - для самой Доминики в этом месте ставилась торжествующая точка, но мастер явно прочувствовать её не мог, поэтому девушка сочла нужным разжевать: - А полеакс - это длинный молот пехотинца. Его обычно ещё называют алебардой. Только алебарда, а соответственно, и гвизарма, рубит, а ранкона - колющее оружие. Понимаете, да? - и Лакруа слегка подпрыгнула на месте от восторга. Лично девушке это всё казалось жутко красивым.

Лесли Флетчер

Доминика возбужденно тарахтела, сыпала специфическими терминами, не сразу вспоминая, что непосвященному человеку нужно это всё разъяснять, - и даже если бы Флетчер из рассказов девушки не понимал ни единого слова, он всё равно слушал бы с удовольствием. На увлеченную собственным рассказом ученицу было приятно даже просто смотреть, не особенно вникая в слова. Просто сам факт пламенной влюбленности Доминики в её же собственный рассказ создавал удивительную теплую атмосферу, в которой и если запредельный бред услышишь, опровергать не захочется. Девушка же при всём при том ещё и достаточно толково говорила - внимать её объяснениям, не делая над собой сверхъестественных усилий, у Флетчера получалось легко.

- Кажется, я понял вашу мысль, - кивнул Лесли, хотя следить за мыслью мешала в первую очередь сама Доминика, восторженно вздрагивающая, словно от миллиардов мурашек. - Вы хотите сказать, что ранкона - это копье, трансформировавшееся под запросы пехотинцев из алебарды, и факт его существования вызывает ситуацию, когда колющее оружие оказывается подвидом рубящего. Но разве это единичный случай? - попытался проявить отсутствующую эрудицию Флетчер. Цианиду казалось, если как следует поискать, можно и ещё примеры обнаружить. Взять хоть ту же рапиру, владению которой, кстати, в монастыре обучали, - может, она в своё время тоже от какой-нибудь рубящей шпаги отпочковалась. Просто Лесли никогда специально этими вопросами не интересовался, поэтому сейчас, к своему сожалению, поддержать дискуссию на том

уровне, на котором, наверное, хотелось бы Доминике, не мог никак - резко сказывалась нехватка знаний и вообще невовлеченность в тему. Хоть заново за учебники садись.

Доминика Лакруа

Больше, чем рассуждать во всеуслышание о холодном оружии, Лакруа любила только переходить из монолога в диалог, к обсуждению или спору. Но девушка, откровенно говоря, не ждала, что мастер вдруг ввяжется в обсуждение. Думала, обойдётся с её рассказом про ранкона точно так же, как до этого - со сравнением протазана и рунки. Вежливо выслушает, вежливо кивнёт, коротко прокомментирует, не вляпываясь в тему, если повезёт, то задаст ещё какой-нибудь вопрос...

Мастер же неожиданно попытался продемонстрировать, что он слова девушки не просто слушает, а слушает внимательно, пытаясь постичь и понять. Этим Флетчер покорила Доминику окончательно - впрочем, на француженку вообще было несложно произвести впечатление, если грамотно к её любимой теме подвязаться.

- С ума сойти, как вы роскошно выражаетесь, - обалдело покачала головой Лакруа, которая сперва своей мысли в формулировке Флетчера и не распознала. И, слегка розовея от удовольствия, поспешила объяснить: - Не единичный, конечно. Вот взять хотя бы ту же рапиру Мароццо - чудное оружие. Вроде как и неспроста должно быть названо рапирой, в честь оружия колющего - а сам Мароццо при этом предпочтение отдавал рубящим ударам. Вот и вышла такая рапира, которой и рубить можно. Просто боевой топор, основная функция которого - колоть, вызывает большее недоумение в голове, вы со мной не согласны?

Смелости дожидаться ответа, впрочем, Доминике не хватило - на почве такой приятной беседы недолго, чего доброго, нарисовать самой себе восхитительный идеальный образ и с хрустом в него втрескаться. Этой напасти только и не хватало. Поэтому Лакруа сперва прикинулась, что вопрос был чисто риторический, потом изобразила, что, спохватившись, вспомнила о чём-то важном, и с умоляющей улыбкой протараторила: - Ой, я же вас, наверное, отвлекаю? И задерживаю? Простите. И себя я тоже - отвлекаю и задерживаю. Но я ещё как-нибудь к вам зайду, можно? Если вам, конечно, всё ещё интересно эти рассказы слушать...

Согласие мастера Доминика получила легко - но, когда уже мчалась по коридору в свою комнату, то ошалело думала, что она, пожалуй, и отказом бы не смутилась и после передышки всё равно снова рванула бы мастера окучивать. Не так ей в жизни везёт на благодарных слушателей, чтобы можно было ими разбрасываться.
